

И.С. Соловенко, А.А. Рожков

КУЛЬМИНАЦИЯ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЕРОВ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Рассматриваются основные причины, ход и результаты всероссийской акции протеста шахтеров России в мае 1998 г., которая стала кульминацией их борьбы во время перехода к рыночным отношениям. Делается вывод о том, что отказаться от крайних форм отстаивания трудовых прав и интересов рабочих угольной промышленности вынудили низкая результативность противостояния, высокие экономические издержки и неоднозначность общественного мнения.

Ключевые слова: Россия, рыночные отношения, шахтеры, кульминация, «рельсовые войны».

На май 1998 г. приходится кульминация протестного движения шахтеров России, которая выразилась во множестве массовых и радикальных акций протеста. Однако центральное место в этом явлении, безусловно, занимают всероссийские «рельсовые войны» – блокады важнейших железнодорожных магистралей. Основным

мотивом резонансных акций протеста были долговременные задержки по выплате заработной платы, которые в угольной промышленности порой достигали 10 и более месяцев. Весной 1998 г. объем не выплаченной на шахтах и разрезах заработной платы достиг своего пика за все время рыночных преобразований (рис. 1).

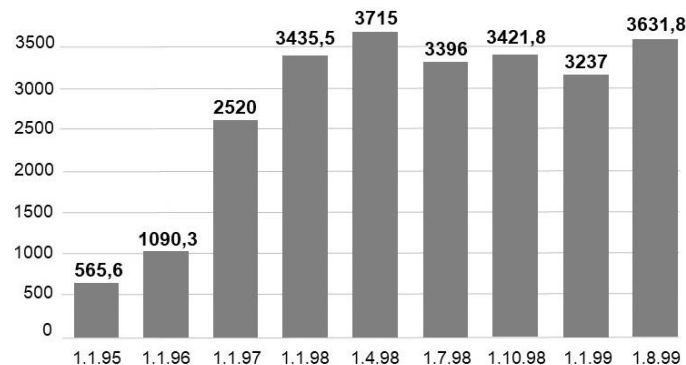

Рис. 1. Динамика задолженности по выплате заработной платы работникам угольной промышленности, млн руб. (в масштабе цен 1998 г.) [1]

При этом львиная доля неплатежей приходилась на потребителей шахтерской продукции (рис. 2). Однако Правительство РФ не выработало на тот момент эффективного механизма решения данной проблемы, поэтому недовольство рабочих было направлено в его сторону, в том числе и по инерции заба-

стовочного движения предыдущих лет. Еще быстрее возрастало недовольство Президентом страны – Б. Ельциным, который весной 1998 г. сменил состав Правительства, но фундаментальные социально-экономические проблемы шахтеров по-прежнему не решались.

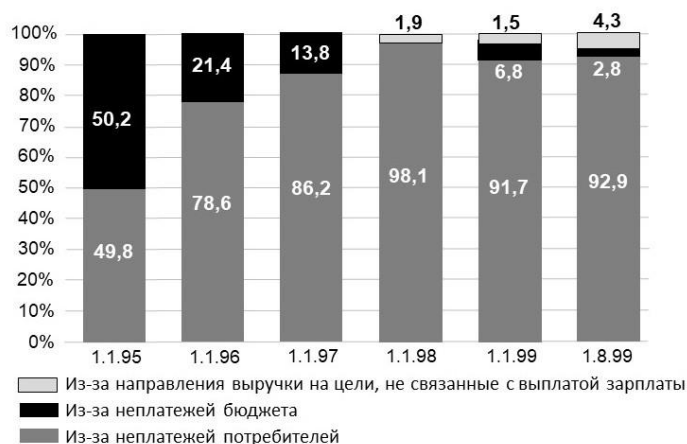

Рис. 2. Структура задолженности по выплате заработной платы, % [1]

Всероссийские «рельсовые войны» стали во многом «неожиданными» для Правительства РФ, в том числе и потому что распространялись по весьма

привычному сценарию – локально и стихийно. Инициаторами были горняки приполярного города Инта (Печорский угольный бассейн), так как проблемы с

задолженностью по зарплате имели здесь наиболее острый характер. Началом активной борьбы стали события 5-го мая, когда рабочие шахты «Интинская» блокировали в своем кабинете генерального директора компании «Интауголь» В. Шахтина. Это событие имело широкий резонанс в городе. К стихийной акции протеста вскоре присоединились их товарищи с шахты «Восточная» [2]. Руководство компании оказалось неспособным самостоятельно решить проблему «систематической невыплаты заработной платы в полном объеме» [3. Л. 22], поэтому горняки перешли к более радикальным мерам – перекрыли Северную железнодорожную магистраль, соединявшую Москву с Воркутой. 7 мая более 200 рабочих интинских шахт и горно-обогатительных фабрик вышли на рельсы. Они дали согласие покинуть железную дорогу только после гарантий федерального Правительства по скорейшему финансированию долгов, накопленных по заработной плате. При этом горняки предупредили о том, что в случае невыполнения достигнутых договоренностей, они вновь блокируют железную дорогу [4].

Правительство РФ так и не выполнило свои обещания по возврату долгов шахтерам Инты. Это спровоцировало масштабные протестные действия трудящихся города. 13 мая горняки совместно с медицинскими работниками и учителями перекрыли железнодорожную магистраль Москва – Воркута – Лабитнанги, таким образом заблокировав весь регион угледобычи в Республике Коми. Протестующих собралось в несколько раз больше, чем во время перекрытия данной дороги 7 мая. Вскоре численность интинцев, участвовавших в «рельсовой войне», составила 2 тыс. человек [5. С. 66].

Тем не менее, федеральное правительство пренебрегало прямыми контактами с рабочими и не желало идти на какие-либо уступки. Это подталкивало горняков Печорского угольного бассейна к более решительным действиям. 19 мая свою солидарность с интинцами проявили шахтеры Воркуты, несмотря на нависшую над ними опасность навсегда потерять основных потребителей угля [6]. Они отправили в Инту для участия в блокаде Северной железной дороги группу из 50 человек, которую возглавил местный председатель Росуглепрофа Ю. Вишневский [7]. Данный факт, а также распространение транспортных блокад в других углепромышленных территориях добавили уверенности интинским пикетчикам в противостоянии с властью. Блокируя Воркуту, участники «рельсовой войны» использовали единственный мощный рычаг, способный заставить Правительство РФ выполнить их требования, так как отопительный сезон в стране закончился, и спрос на интинские энергетические угли резко уменьшился.

Начиная с конца 1980-х гг. результаты любой все-российской акции протеста шахтеров серьезно зависели от позиции рабочих Кузбасса. В мае 1998 г. их поддержка товарищей из Инты была особенно впечатляющей. Уже 13 мая (в день перекрытия Северной железной дороги) активизировалось протестное движение шахтеров г. Анжеро-Судженска. Они опера-

тивно перенесли свой забастовочный штаб к железнодорожной линии Транссиба [8]. Через два дня анжеро-судженские горняки перекрыли эту важную магистраль. К их акции протеста подключились медики, учителя, работники культуры и другие трудящиеся города. На рельсы Транссиба вышли не менее 1 тыс. человек. Центральное место в требованиях протестующих заняли политические лозунги, среди которых выделялись отставка Президента Б. Ельцина и национализация угольной промышленности [9]. Старания федерального центра перевести недовольство горняков в сторону «неумелых директоров» терпели крах. В результате железнодорожные составы были вынуждены следовать по обходному маршруту.

Акции протеста горняков стали динамично распространяться по всей стране. 16 мая «рельсовая война» вспыхнула в Восточной Сибири. В тот день инвалидами труда Артёмовского рудника и рабочими Тейского рудоуправления на несколько часов была перекрыта абаканская ветвь Красноярской железной дороги [10]. Через четыре дня акция повторилась, но ненадолго. Хотя блокада железной дороги в Восточной Сибири была не столь массовой и продолжительной, как в других регионах, она, несомненно, имела широкий общественный резонанс.

Вскоре волнения охватили и горняков российского Донбасса. 18 мая сотни рабочих и инвалидов-регрессников с шахт «Юбилейная», «Аютинская» и «Майская» устроили пикетирование административного здания ОАО «Ростовуголь». Однако никто из руководства к собравшимся не вышел. Горняки, возмущенные таким отношением, перекрыли движение по Северо-Кавказской железной дороге в районе станции Шахтная. В результате были блокированы более 300 грузовых и 280 пассажирских поездов. Шахтинцев поддержали рабочие и регрессники ближайших городов – Красного Сулина, Новошахтинска и Гуково, приславшие своих представителей. В течение дня здесь собралось не менее 3 тыс. протестующих [11. С. 4]. В итоге появился еще один мощный очаг социальной напряженности в стране.

Время с 20 по 22 мая явилось пиковым в ходе все-российских «рельсовых войн». Это было связано с тем, что, во-первых, было блокировано движение поездов по самым важным транспортным магистралям страны; во-вторых, возросла оппозиционная деятельность Независимого профсоюза горняков России [7]; в-третьих, протестное движение шахтеров приобрело вполне предсказуемую цепную реакцию.

Рабочие угольной промышленности все чаще показывали готовность к сотрудничеству и коллективным действиям с любыми оппозиционными силами. В течение нескольких дней вся Россия была охвачена их массовыми и масштабными акциями протеста, к которым часто примыкали трудящиеся других отраслей промышленности и бюджетных организаций. В то время радикальные формы борьбы многими гражданами страны воспринимались как допустимые и «относительно эффективные» [13]. Все-таки самые масштабные и резонансные акции протеста трудящихся происходили в углепромышленных территориях.

Палаточный лагерь горняков вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали в районе г. Анжеро-Судженска [12]

Весьма острые протестные события происходили в Кузбассе. 20 мая серьезную поддержку Анжеро-Судженску продемонстрировали города Киселёвск, Прокопьевск и Юрга. Южную ветку Кузбасского отделения Западно-Сибирской железной дороги совместно блокировали сотни прокопьевских горняков, медиков и коммунальщиков [14]. В результате было перекрыто «Большое сибирское кольцо» – железные дороги, которые по кругу пронизывают Кузбасс, в том числе и часть Транссиба. Таким образом, прервалось железнодорожное сообщение не только по территории края, но и всей России. В наиболее уязвимом положении оказалась Томская область, которую фактически отрезали от мира с запада и востока. Последствия данной блокады являлись наиболее тяжелыми для производств, которые нуждались в постоянном подвозе и отправке грузов.

21 мая всероссийские «рельсовые войны» в Кузбассе поддержали горняки Киселёвска. Они преодолели милицееское оцепление и блокировали участок Терентьевской железной дороги, по которой шли грузовые поезда [15]. Таким образом, все железнодорожные грузоперевозки в Прокопьевско-Киселёвском угольном районе были абсолютно прекращены. Всего во всероссийской акции протеста были задействованы 13 тыс. горняков девяти шахт Кузбасса [16]. В связи с

блокадой Транссибирской магистрали на территории Западной Сибири было приостановлено движение свыше 350 грузовых и почти 300 пассажирских составов. Ежесуточные потери от простоя поездов составляли более 1,5 млн руб. [17. С. 241]. Ситуация обострилась после того, как 22 мая перекрыли движение по железной дороге горняки Междуреченска. В итоге железнодорожные перевозки в Кемеровской области были полностью парализованы.

Усугублялась ситуация и в Ростовской области. Здесь 20 мая объездной участок возле г. Шахты, который все-таки использовался железнодорожниками с первых дней всероссийской акции протеста, также был блокирован [18]. В итоге железнодорожная магистраль, связывающая юг с центром страны, была полностью перекрыта.

Блокады важных транспортных магистралей, а также другие массовые и радикальные акции протеста рабочих угольной промышленности продолжали распространяться по всей стране. Расширялся перечень как экономических, так и политических лозунгов горняков, среди которых центральное место по-прежнему занимала отставка Президента Б. Ельцина. Власть полностью не контролировала ситуацию, что подтверждали даже представители главы государства.

Перекрытие железнодорожной магистрали в районе г. Шахты [19]

По мнению С. Ястржембского (пресс-секретарь Президента РФ), 22–23 мая всероссийские «рельсовые войны» напрямую угрожали национальной безопасности страны [20. С. 1]. В этот критический момент Б. Ельцин в своем радиобращении призвал россиян отказаться от блокад важнейших железнодорожных магистралей. Также он заявил о скором принятии мер по наведению порядка в угольной промышленности страны [21]. Часть шахтеров поверила Президенту России, другие – не понимали, что делать дальше, так как общенародной поддержки «рельсовые войны» все-таки не получили.

Всероссийская акция протеста слабела, хотя главные лозунги шахтеров так и не были реализованы. Основные причины этого заключались в следующем. Во-первых, руководители территориальных профсоюзов боялись взять на себя задачу по координации всероссийской акции протеста [22. Л. 26]. Во-вторых, неуверенные действия самих участников «рельсовых войн». Шахтеры не стали выразителями экономических и политических надежд рабочих других отраслей, а также трудящихся бюджетных организаций, как это было в 1989 г., когда начиналось забастовочное движение. С одной стороны, они призывали Б. Ельцина к отставке, с другой – требовали быстрого погашения задолженности по зарплате и предоставления многообразной финансовой помощи все тем же Президентом России. Всем была очевидна неуверенность пикетчиков в своих политических намерениях, готовность отказаться от требования отставки Президента Б. Ельцина в пользу погашения долгов по зарплате. В-третьих, участие шахтеров в «рельсовых войнах» было неоднозначным. География противостояния показывает, что наиболее энергичные действия в акциях протеста наблюдались в Республике Коми, Кемеровской и Ростовской областях, где была высокая концентрация рабочих угольной промышленности. Разными способами поддерживали протестное движение рабочие Южного Урала, Приморья и Сахалина. Фактически только моральной поддержкой всероссийской акции протеста ограничились шахтеры Поволжья, Подмосковья, Хакасии и других углепромышленных районов. В-четвертых, представители органов власти и управления по-новому выстраивали взаимоотношения с протестующими: более очевидными с их стороны стали политический диалог, материальная по-

мощь, борьба с экономическими преступлениями и другие весьма эффективные меры решения социально-экономических проблем трудящихся.

Неуверенные действия горняков явились сигналом как для представителей власти, так и общественно-политическим силам, которые проявляли солидарность с пикетчиками. Федеральное Правительство строило свою стратегию противодействия всероссийской акции протеста так, чтобы шахтеры были изолированы друг от друга. В то же время, как никогда ранее, решался главный вопрос недовольных рабочих – погашение задолженности по заработной плате.

После более чем пяти суток блокады первой была разблокирована Северо-Кавказская железная дорога. Попытки известных российских оппозиционеров, прибывших из Москвы в «горячую точку», – В. Анпилова и Л. Рохлина убедить рабочих не уходить с рельсов и таким образом «сломать политический режим» [23] оказались безуспешными. Председателю Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов, вице-премьеру Б. Немцову удалось быстро убедить шахтеров в бесполезности «рельсовой войны». С его стороны было гарантировано, что в скором времени рабочим выплатят три месячных фонда оплаты труда. Заверения Б. Немцова подтверждались начавшейся выплатой долгов по зарплате на всех предприятиях компаний «Ростовуголь» и «Гуковуголь» [11. С. 4]. Уязвимым местом блокады Северо-Кавказской железной дороги в отличие от других важных магистралей было то, что через Ростов-на-Дону проходили многие автотрассы. Нельзя не учитывать и отсутствие исторической традиции солидарности шахтеров Дона, неприятие ими экстремизма, страх перед правовыми последствиями блокад транспортных коммуникаций, а также уверенность в бесполезности коллективных акций протеста [24. С. 9–15].

Быстрый и успешный результат действий Б. Немцова показал, что с шахтерами возможен компромисс на основе обещаний финансово-экономического характера. Таким образом, своими уступками рабочие Ростовской области разделили шахтерское сообщество России пополам. После чего политические требования пикетчиков динамично превращались в формальность для всех сторон, участвовавших в конфликте. Шахтеры стали чаще «торговаться» с вла-

стью, требовать новых материальных уступок в обмен на прекращение борьбы. Во всех документах согласительных комиссий, работавших в Печорском угольном бассейне и Кузбассе, наибольшая часть требований имела экономический характер. Только небольшая группа горняков, прежде всего в Инте, сохраняла непримиримую позицию.

24 мая был «открыт» Транссиб. Огромную работу по разблокированию данной магистрали провели губернатор Кемеровской области А. Тулеев и вице-премьер Правительства РФ О. Сысуев. Ключевым фактором отказа от транспортных блокад в регионе, так же как и в Ростовской области, стало начавшееся погашение долгов по зарплате.

Выступление А. Тулеева и О. Сысуева перед шахтерами г. Анжеро-Судженска [11]

Весьма сложно переговорный процесс шел в Печорском угольном бассейне. Северная железная дорога не имела такого большого стратегического значения для страны, как, например, Северо-Кавказская, тем более Транссиб. Предприятия страны не испытывали дефицита угля. Поэтому федеральное правительство не торопилось с принятием кардинальных мер по разблокированию данной магистрали. Максимум, на что была согласна правительственная комиссия во главе с министром экономики Я. Уринсоном, – это реализация дополнительных мер по стабилизации социально-экономического положения в Печорском угольном бассейне. Горнякам пришлось согласиться с этим предложением, так как они физически и морально устали от двухнедельного противостояния. Протестующие находились в условиях дефицита рабочей солидарности, огромных экономических потерь и сильнейшего информационного прессинга. Учитывая данную ситуацию, Независимый профсоюз горняков России обратился к шахтерам с предложением по использованию альтернативной формы борьбы – это организация всероссийского пикета перед Домом Правительства России. Шахтеры Печорского угольного бассейна приняли это предложение, 25 мая блокада Северной железной дороги была снята.

Таким образом, всероссийские «рельсовые войны» закончились. В условиях большой, неравномерно раз-

витой экономики и транспортной системы «поднять народ» на протест, используя блокады железнодорожных путей, явилось для горняков непосильной задачей. К основным причинам, не позволившим до конца реализовать политические лозунги участников транспортных блокад, отнесем следующие: 1) отсутствие единства в выступлениях шахтеров и всех, кто их поддерживал; 2) слабая подготовка и организация протестных акций; 3) пассивные методы борьбы рабочих наиболее благополучных предприятий, а также высококвалифицированных специалистов; 4) отсутствие реального содействия угледобытчикам со стороны противостоявших Президенту РФ политических сил; 5) международная солидарность с шахтерами России была эпизодической и малозаметной; 6) непоследовательность протестного поведения горняков, тем более их лидеров; 7) периферийный характер борьбы участников транспортной блокады; 8) отраслевая ограниченность выступлений рабочих угольной промышленности; 9) серьезное сокращение количества шахтеров (с 1993 по 1998 гг. почти в два раза).

Относительные успехи борьбы оказали деморализующие последствия на их политическое поведение. Горняки утратили уверенность в возможности реализации далеко идущих целей и задач, а использование незаконных форм борьбы не принесло однозначно положительных результатов. На всероссийском уровне не оказалось ни сил, ни лидеров, спо-

собных выбрать оптимальные методы борьбы, отстаивать их до победного конца. Не в пользу радикальных форм борьбы развивалось и общественное мнение. В целом протестное движение горняков вступило в полосу кризиса.

Выделим позитивные и негативные последствия этой мощной акции протеста. Наибольшее значение для шахтеров имели такие важные факты и явления, как борьба с коррупцией, выполнение тарифного соглашения, нормализация системы взаиморасчетов, снижение тарифов на железнодорожные перевозки, упорядочение налогообложения, проведение аудиторских проверок хозяйственной деятельности шахт и разрезов, наращивание капиталовложений в угледобывающую отрасль, индексация заработной платы, повышение тарифов оплаты труда, выполнение Правительством РФ обязательств по социальной защите горняков и членов их семей, а также по выполнению программ местного развития в углепромышленных городах и поселках и др.

Мы согласны с мнением И. Климова и Л. Гордона [25, 26], что всероссийские «рельсовые войны» явились единственно эффективным средством принудить власти и работодателей находить пути выхода из кризиса невыплаты зарплаты. Всем углепромышленным городам и поселкам, вне зависимости от степени их участия в протестном движении, была оказана оперативная финансовая помощь. Правоохранительные органы, прежде всего прокуратура, активизировали действия по возвращению «кровно заработанных». Блокады важнейших железнодорожных магистралей явились для шахтеров одним

из факторов сохранения их статуса, зарплаты и рабочих мест. Все это способствовало замедлению темпов высвобождения персонала и росту производительности труда в угольной отрасли [27. С. 1052].

В действительности блокады железных дорог были для протестующих средством установить диалог с властью. Представители органов власти стали энергично заниматься решением проблем угольной промышленности: повысились темпы проведения рыночных преобразований, ускорилась приватизация угледобывающих предприятий, программа реструктуризации отрасли стала еще более социально ориентированной, много внимания уделялось декриминализации отрасли и др. *Благодаря использованию широкого спектра финансовых и политических мер, Б. Ельцин быстро снизил градус недовольства трудящихся, сохранил пост Президента страны и стал менять взгляды на взаимоотношения с оппозицией.*

Всероссийская акция протеста горняков России сопровождалась и значительным перечнем негативных последствий. Самым очевидным из них являлось динамичное снижение объемов угледобычи в период «рельсовых войн» наряду с влиянием традиционного сезонного фактора. Инерция снижения угледобычи продолжилась и в последующие летние месяцы этого года (рис. 3). От крайних форм борьбы пострадали угледобывающие предприятия, которые в действительности никогда не останавливали работу. Так, например, известная не только в России, но и за рубежом шахта «Распадская» оказалась на грани банкротства, так как не было возможности своевременно вывоза добытого угля.

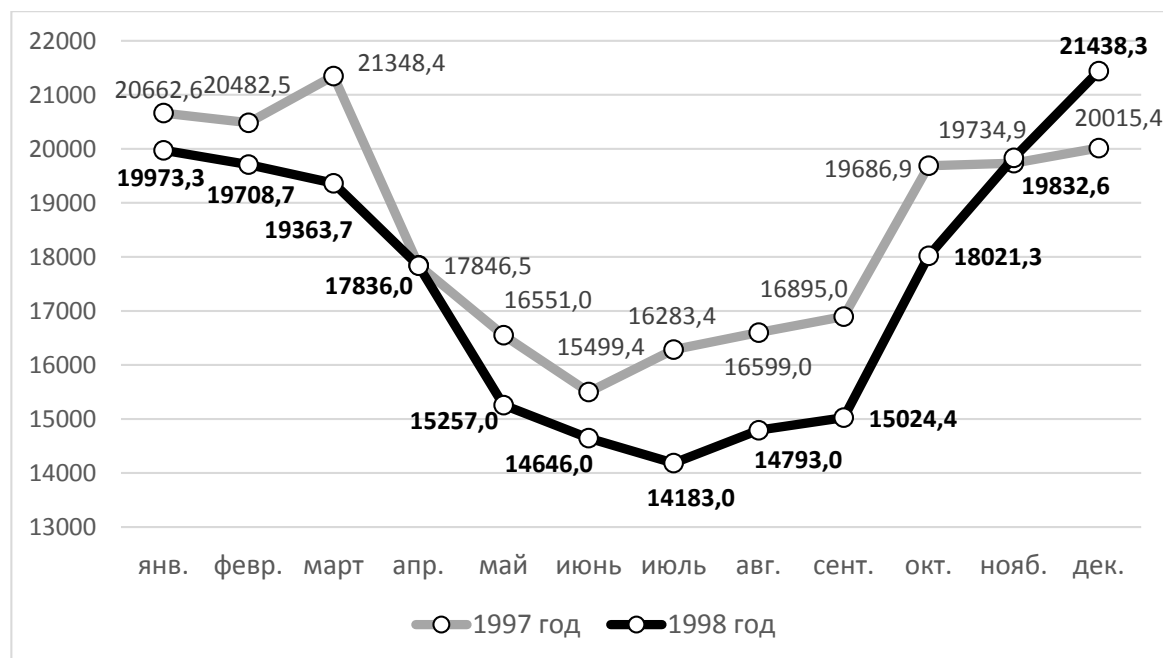

Рис. 3. Динамика добычи угля на предприятиях угольной промышленности России по месяцам в течение 1997–1998 гг., тыс. т [1]

Продолжительная борьба рабочих привела к ощутимым экономическим потерям не только в сфере

угольной промышленности, но и во многих других отраслях народного хозяйства, прежде всего соб-

ственных регионов. Серьезную уязвимость ощутили металлурги, которые были вынуждены действовать адекватно. Руководство металлургических компаний стало менять свои экономические ориентиры в сторону стабильно работавших угледобывающих производств, а также пошли по пути организации горно-металлургических холдингов с собственной ресурсной угольной базой. Сильнее других от ответных действий металлургов пострадала компания «Воркутауголь». Ее прямые потери составили 133,3 млн рублей. К тому же она потеряла двух стратегически важных в плане притока «живых» денег потребителей коксующегося угля: Московский коксогазовый завод и Новоліпецкий металлургический комбинат [28, 29].

«Рельсовые войны» отрицательно сказались на макроэкономических показателях страны. Они стали одной из причин того, что летом 1998 г. снизилась инвестиционная привлекательность российских предприятий для зарубежных компаний и т.д. Ими был нанесен серьезный удар по экономическому потенциалу и международному престижу российских

железных дорог. Немаловажно и то, что Правительство РФ компенсировало многомиллионный ущерб за счет сокращения расходов на все тех же горняков. Важно и то, что был сорван график финансирования технических работ по ликвидации убыточных шахт (разрезов) и по социальной защите высвобождаемых работников.

Таким образом, итоги кульминации протестного движения шахтеров России во время перехода к рыночным отношениям являлись неоднозначными. Органы власти и управления пошли на уступки, но в большей мере они имели социально-экономическое содержание. Низкая результативность противостояния, высокие экономические издержки и неоднозначность общественного мнения заставили рабочих угольной промышленности отказаться от такой радикальной формы отстаивания трудовых прав и интересов, как «рельсовая война». Об этом свидетельствует и неудачная попытка кузбасских шахтеров реанимировать данную форму протеста во всероссийском масштабе, предпринятая в июле 1998 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Текущий архив АО «Росинформуголь».
2. Нарыв // Искра (Инта). 1998. 7 мая.
3. Протокол № 6 Правления АО «Интауголь», г. Инта, 06 мая 1998 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф.Р-1659. Оп. 1. Д. 2591.
4. На угольном фронте // Искра. 1998. 9 мая.
5. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов). М., 2004. 132 с.
6. Металлурги бьют тревогу и требуют гарантий // Заполярье (Воркута). 1998. 22 мая.
7. Ильясова Г. Рельсовая война продолжается // Заполярье. 1998. 20 мая.
8. Леонидова Т. Голодовка прекращена // Наш город (Анжеро-Судженск). 1998. 30 января.
9. Пришибникова Т. От забоя – на площадь, с площади – на рельсы // Наш город. 1998. 16 мая.
10. Инвалиды сели на рельсы // Красноярский рабочий (Красноярск). 1998. 19 мая.
11. Горбанева С. Борис Немцов в Шахтах: взгляд из 1998-го... // Пласт (Ростов-на-Дону). 2015. 15 марта.
12. Текущий архив Городского краеведческого музея г. Анжеро-Судженска.
13. Кертман Г.Л. На повестке дня – социальные потрясения? URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/o837501 (дата обращения: 13.02.2015).
14. Фомичева Т. Большое кольцо замкнулось // Кузбасс. 1998. 21 мая.
15. Георгиев В. Перекрыли последнюю артерию // Шахтерская правда (Прокопьевск). 1998. 23 мая.
16. Май 1998 год // Горняцкая солидарность (Новокузнецк). 1998. 26 июня.
17. Угольный Кузбасс: страницы истории. Кемерово, 2005. 428 с.
18. Смысленко О. Пассажиры на Лихой уже хлебнули лиха... // Вечерний Ростов (Ростов-на-Дону). 1998. 21 мая.
19. Официальный сайт MiningWiki – свободная шахтерская энциклопедия. URL: https://miningwiki.ru/wiki/Галерея:Шахтерские_забастовки (дата обращения: 23.10.2018).
20. Огурцов В. Чуда не будет, но деньги можно найти // Российская газета. 1998. 26 мая.
21. Горбунов В. Шахтеры наступили на горло правительственной песне // Контакт (Междуреченск). 1998. 26 мая.
22. Постановление пленума Кемеровского обкома КПРФ «О политической и социально-экономической ситуации в России, Кузбассе и задачах партийной организации», г. Кемерово, 30 мая 1998 г. // Государственный архив Кемеровской области. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 75.
23. Гиренко Ю. Эту «рельсовую войну» проиграла вся Россия // Вечерний Ростов. 1998. 25 мая.
24. Дегтярев А., Жигунов Л. Политическая идентичность шахтеров Восточного Донбасса: перспективы рабочего движения в России // Власть. 2000. № 12.
25. Климов И.А. Шахтеры в «рельсовой войне»: субъект социального действия или объект манипуляции? // Мир России. 1999. Т. VIII, № 3. С. 133–152.
26. Гордон Л.А. Крутой пласт: Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен. М., 1999. 352 с.
27. Шепелева Н.А., Огнев С.П. Оптимизация численности персонала в условиях реструктуризации угольной промышленности России на основе модельного подхода // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16, № 7. URL: <http://journals.creativeconomy.ru/index.php/rp/article/view/178/> (дата обращения: 30.01.2017).
28. Давыдов В. Главное – сохранить темпы и объемы угледобычи // Заполярье. 1998. 10 июня.
29. Давыдов В. Не будет угля – не будет ничего // Заполярье. 1998. 8 июля.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 ноября 2018 г.

The Culmination of the Miners' Protest Movement in Russia During the Transition to Market Relations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 450, 162–169.

DOI: 10.17223/15617793/450/20

Igor S. Solovenko, Yurga Institute of Technology, Tomsk Polytechnic University Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Anatoliy A. Rozhkov, Coal Marketing Research Institute (Moscow, Russian Federation); National University of Science and Technology “MISiS” (Moscow, Russian Federation). E-mail: aarozhkov@mail.ru

Keywords: Russia; market relations; miners; climax; “rail wars”.

The topic of the research is the culmination of the miners' protest movement in Russia, which falls on May 1998. The central place in this phenomenon belonged to the all-Russian "rail wars" when the most important railways were blocked. Their main motive was multi-month delays in wage payments. The authors draw attention to the fact that the all-Russian protest swept all coal industrial areas of the country. However, the main events took place in the leading coal basins: the Pechora coal basin (where they blocked the Northern Railway), Kuzbass (where they blocked the Trans-Siberian Railway), the Russian Donbass (where they blocked the North Caucasus Railway). The protesters' main demands focused around political slogans, among which stood out the resignation of Russian President Boris Yeltsin and the nationalisation of the coal industry. The analysis of the sources and literature leads to the following important conclusions. Transport blockades over several days (from May 13 to May 21) became very popular among Russians. The peak point was 22–23 May, when the All-Russian "rail wars" directly threatened the country's national security. Therefore, the President and the Government of Russia established a dialogue with the protesters. People in the coal industrial areas of the country began to receive money to pay off wage arrears. This made it possible to reduce tensions in the coal mining regions and to divert miners from political slogans. Ambiguous was the attitude of Russians to the radical forms of struggle. In the conditions of a large, unevenly developed economy and transport system, "raising the people" to protest using "rail wars" turned out to be an overwhelming task for the miners. Coal industry enterprises suffered large losses from transport blockades. This led to a rapid decline in the miners' protest movement in Russia. The authors come to the conclusion that the results of the culmination of the miners' protest movement in Russia during the transition to market relations were mixed. The authorities and administrations made concessions, but to a greater extent they were of a socio-economic nature. The low effectiveness of the confrontation, the high economic costs and the ambiguity of public opinion forced the coal industry workers to abandon such a radical form of upholding labour rights and interests as the "rail war". This is evidenced by the unsuccessful attempt of the Kuzbass miners to reanimate this form of protest at an all-Russian scale undertaken in July 1998.

REFERENCES

1. Current Archive of JSC Rosinformgol. (In Russian).
2. *Iskra* (Inta). (1998) Naryv [A Sore]. 7 May.
3. National Archives of the Komi Republic. Fund R-1659. List 1. File 2591. *Protokol № 6 Pravleniya AO "Intaugol"*, g. Inta, 06 maya 1998 g. [Protocol No. 6 of the Management Board of Intaugol JSC, Inta, 06 May 1998].
4. *Iskra*. (1998) Na ugol'nom fronte [At the Coal Front]. 9 May.
5. Yasin, E.G. et al. (eds) (2004) *Den' shakhtera (restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti glazami uchastnikov i zhurnalistov)* [Miner's Day (Restructuring of the Coal Industry Through the Eyes of Participants and Journalists)]. Moscow: [s.n.].
6. *Zapolyar'e* (Vorkuta). (1998) Metallurgi b'yut trevogu i trebuyut garantiy [Metallurgists Sound the Alarm and Demand Guarantees]. 22 May.
7. Il'yasova, G. (1998) Rel'sovaya voyna prodolzhaetsya [Rail War Continues]. *Zapolyar'e*. 20 May.
8. Leonidova, T. (1998) Golodovka prekrashchena [Hunger Strike Discontinued]. *Nash gorod* (Anzhero-Sudzhensk). 30 January.
9. Pryanishnikova, T. (1998) Ot zaboya – na ploshchad', s ploshchadi – na rel'sy [From the Bottom to the Square, From the Square to the Rails]. *Nash gorod*. 16 May.
10. Krasnoyarskiy rabochiy (Krasnoyarsk). (1998) Invalidy seli na rel'sy [Disabled People Sat Down on the Rails]. 19 May.
11. Gorbaneva, S. (2015) Boris Nemtsov v Shakhtakh: vzglyad iz 1998-go... [Boris Nemtsov in the Mines: A View From 1998 . . .]. *Plast* (Rostov-on-Don). 15 March.
12. Current Archive of the Anzhero-Sudzhensk City Museum of Local Lore. (In Russian).
13. Kertman, G.L. (1998) *Na povestke dnya – sotsial'nye potryaseniya?* [Are Social Upheavals on the Agenda?]. [Online] Available from: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/0837501. (Accessed: 13.02.2015).
14. Fomicheva, T. (1998) Bol'shoe kol'tso zamknulos' [The Big Ring Is Closed]. *Kuzbass*. 21 May.
15. Georgiev, V. (1998) Perekryli poslednyuyu arteriyu [Blocked the Last Artery]. *Shakhterskaya pravda* (Prokopyevsk). 23 May.
16. *Gorn'yatskaya solidarnost'* (Novokuznetsk). (1998) May 1998 god [The May of 1998]. 26 June.
17. D'yakov, Yu.I. (ed.) (2005) *Ugol'nyy Kuzbass: stranitsy istorii* [Coal Kuzbass: Pages of History]. Kemerovo: Adm. Kem. obl.
18. Smyslenko, O. (1998) Passazhiry na Likhoy uzhe khlebнули likha... [Passengers on Likhaya Have Already Had Enough]. *Vecherniy Rostov* (Rostov-on-Don). 21 May.
19. MiningWiki. (n.d.) *Miners' Strikes*. [Online] Available from: <https://miningwiki.ru/wiki/%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%8F%D0%A8%D0%B0%D1%85%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B8>. (Accessed: 23.10.2018). (In Russian).
20. Ogurtsov, V. (1998) Chuda ne budet, no den'gi mozno nayti [No Miracle, but Money Can Be Found]. *Rossiyskaya gazeta*. 26 May.
21. Gorbunov, V. (1998) Shakhtery nastupili na gorlo pravitel'svennoy pesne [Miners Stepped on the Throat of a Government Song]. *Kontakt* (Mezhdurechensk). 26 May.
22. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund 1311. List 1. File 75. *Postanovlenie plenuma Kemerovskogo obkoma KPRF "O politicheskoy i sotsial'no-ekonomicheskoy situatsii v Rossii, Kuzbasse i zadachakh partiynoy organizatsii"*, g. Kemerovo, 30 maya 1998 g. [Resolution of the Plenum of the Kemerovo Regional Committee of the Communist Party "On the Political and Socio-Economic Situation in Russia, Kuzbass and the Tasks of the Party Organisation", Kemerovo, May 30, 1998].
23. Girenko, Yu. (1998) Eto "rel'sovuyu voynu" proigrala vsya Rossiya [All of Russia Lost This "Rail War"]. *Vecherniy Rostov*. 25 May.
24. Degtyarev, A. & Zhigunov, L. (2000) Politicheskaya identichnost' shakhterov Vostochnogo Donbassa: perspektivy rabochego dvizheniya v Rossii [Political Identity of the Miners of the East Donbass: Prospects for the Labour Movement in Russia]. *Vlast'*. 12.
25. Klimov, I.A. (1999) Shakhtery v "rel'sovoy voynе": sub'ekt sotsial'nogo deystviya ili ob'ekt manipulyatsii? [Miners in the Rail War: The Agent of Social Action or the Object of Manipulation?]. *Mir Rossii*. VIII (3). pp. 133–152.
26. Gordon, L.A. (1999) *Krutoy plast: Shakhterskaya zhizn' na fone restrukturizatsii otrasli i obshcherossiyskikh peremen* [A Steep Layer: Miner Life Amid Restructuring of the Industry and Nationwide Changes]. Moscow: Reformugol'.
27. Shepeleva, N.A. & Ognev, S.P. (2015) Optimization of the Number of Personnel in the Conditions of Restructuring of the Russian Coal Industry on the Basis of Model Approach. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*. 16 (7). [Online] Available from: <http://journals.creativeconomy.ru/index.php/rp/article/view/178/>. (Accessed: 30.01.2017). (In Russian). DOI: 10.18334/rp.16.7.178
28. Davydov, V. (1998) Glavnoe – sokhranit' tempy i ob'em ugledobychi [The Main Thing Is to Maintain the Pace and Volume of Coal Mining]. *Zapolyar'e*. 10 June.
29. Davydov, V. (1998) Ne budet uglya – ne budet nichego [There Is No Coal—There Is Nothing]. *Zapolyar'e*. 8 July.

Received: 03 November 2018